

Кисельова Л. Г.

кандидат філологічних наук, доцент

Інститут мови і літератури імені Якуба Коласа і Янки Купали

НАН Республіки Білорусь

НАИВНАЯ ЛИТЕРАТУРА: ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ, ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Стаття присвячена наївній (інситній) словесності, а саме: різноманітним явищам, які відносяться до пограничної межі фольклору і професійної літератури. Визначаються деякі динамічні ознаки такого роду тексту за аналогією з характеристиками наївного образотворчого мистецтва. Аналізується твір білоруського сільського поета XIX – початку XX століття М. Морозіка «Степан і Татяна». На цьому прикладі розкриваються основні проблеми вивчення наївної літератури.

Ключові слова: наївна (інситна) література, фольклор, професійна література.

Статья посвящена наивной (инситной) словесности – разнообразным явлениям, относящимся к пограничной области между фольклором и профессиональной литературой. Определяются некоторые доминантные признаки такого рода текстов по аналогии с характеристиками наивного изобразительного искусства. Анализируется произведение белорусского крестьянского поэта XIX – начала XX в. М. Морозика «Степан и Татьяна». На этом примере раскрываются основные проблемы изучения наивной литературы.

Ключевые слова: наивная (инситная) литература, фольклор, профессиональная литература.

The article is devoted to the naive (insite) literature – to variety of phenomena, related to the border sphere between folk and professional literature. Some of the dominant characteristics of this kind of texts are defined by the analogy with the characteristics of a naive fine art. The work «Stepan and Tatyana» by M. Morozik, the Belarusian peasant poet of the XIX – beginning of XX century, is analyzed. The author reveals the main problems of the study of naive literature in this case.

Key words: naive (insite) literature, folk and professional literature.

Наивное творчество, уже достаточно основательно изученное на материале изобразительного искусства (в том числе и украинскими исследователями П. Белецким, А. Найденом, С. Бушаком и др.), в последние десятилетия привлекает внимание и литерату-

роведов. Интерес к инситной (наивной) словесности (разнообразным явлениям, относящимся к пограничной области между фольклором и профессиональной литературой) – один из симптомов общей тенденции в современной гуманитаристике, которая все активнее обращается к неканоническим, «маргинальным», «периферийным» художественным феноменам.

Некоторые доминантные признаки наивного письма можно определить по аналогии с характеристиками инситного изобразительного искусства. Перечислим наиболее очевидные особенности инситного дискурса: и вербального, и визуального.

Отклонение от «классических» законов построения композиции, перспективы, нарушения пропорций. Наивный автор – художник или сочинитель – чувствует, что привлечь внимание к тому предмету, который его увлекает или представляется ему значительным, можно очень легким способом – нужно просто увеличить его размеры. В наивном тексте часто до невероятности укрупняется, выпячивается то, что интересно и важно автору (даже если со стороны кажется, что, например, для развития сюжета это не так существенно). А то, что стороннему взгляду представляется более значительным, нередко высказывается скороговоркой. То же касается и композиции: в этом отношении сочинения наивных авторов также, как правило, кажутся не вполне уравновешенными.

Причудливая детализация. Инситник, будь то живописец или сочинитель, скрупулезно прописывает некоторые мелкие, со стороны кажущиеся незначительными детали. Нередко логика этой филигранной работы абсолютно недоступна наблюдателю, хотя бы поверхностно знакомому с законами профессионального искусства, а часто – никому, кроме самого автора. Конечно, современный читатель, привычный ко всяким текстуальным ловушкам и подвохам, не ждет выстрела от каждого появившегося на сцене детально описанного ружья. Но одно дело – церемонная игра в «обман ожиданий», правила которой известны обеим сторонам. И другое дело – загадочный механизм, включающий мел-

кие тщательно выточенные элементы, назначение которых непонятно, а инструкции для пользователя нет.

Многим «наивным» сочинителям и художникам свойственно *тяготение к декоративности*. Инсайт любит, «чтобы было красиво», «нарядно». В словесном творчестве это зачастую приводит к нагромождению невероятно эффектных эпитетов и сравнений, к обилию поэтизмов и литературных клише.

Отсутствие полутонов. В наивном изобразительном искусстве, как правило, преобладают чистые, насыщенные цвета. Что-то подобное свойственно и наивному словесному творчеству: любитель следить за тонкими авторскими намеками и едва уловимыми нюансами вряд ли найдет для себя что-нибудь в инсайтной литературе. Обычно наивный автор открыт и искренен, он хочет высказаться сразу и до конца, страстно желает быть понятым. Парадокс, однако, заключается в том, что именно наивные тексты часто ставят исследователя в тупик, их дешифровка нередко требует немалых усилий, а иногда они попросту кажутся абсолютно таинственными и непроницаемыми.

Эта таинственность проистекает, конечно же, из того, что наивный автор и исследователь его творчества – обитатели разных культурных пространств. Исследователю очень непросто или даже невозможно покинуть пределы комфортного, обжитого поля привычных литературных конвенций. Он пытается подступиться к наивному тексту с традиционным набором «измерительных инструментов» и очень скоро убеждается, что в этом художественном мире свои, другие системы координат и единицы измерения. Изменить «внешнюю» исследовательскую перспективу, оказаться «внутри» художественного мира наива – наверное, почти невыполнимая задача. Но, может быть, четкое осознание своей «наружной» позиции на каждом этапе исследования позволяет хотя бы отчасти избежать грубых ошибок. Например, я четко осознаю, что, пытаясь сформулировать отличительные признаки наивного дискурса, не смогла избежать таких понятий, как «от-

клонение», «нарушение» и пр., но это неизбежный оптический обман при взгляде «извне»: любой «иной», «чужой» эстетический опыт всегда оценивается в сравнении с привычными образцами как некая аномалия.

Исследователю инситной литературы XIX – начала XX в. трудно вдвойне: ситуация усугубляется временной дистанцией, которая не облегчает адекватную интерпретацию таких текстов. Одна из наиболее популярных жанровых форм в белорусской наивной словесности этого периода – гуторка. Авторы и исполнители подобных текстов назывались гуторниками¹. Попытаюсь показать сложности, с которыми приходится сталкиваться при изучении инситного литературного материала XIX – начала XX в., на примере одного текста белорусского поэта-гуторника Микола Морозика.

Микола Морозик (годы жизни: около 1852 – после 1913) был крестьянином деревни Лаврышево Новогрудского уезда Минской губернии. Писал стихи по-белорусски и по-русски, часто выступал на храмовых и прочих праздниках. Современники свидетельствуют, что сочинения М. Морозика были очень популярны. Например, этнограф и фольклорист Н. Никифоровский писал, что, *«где бы ни остановился Н. М. (Николай Морозик. – Л. К.), там скоро столпляется не кружок только знакомых, а жаждущих послушать всегда новое, дельное слово своего излюбленного наставника»* [Никифоровский 1902: 480]. На сегодняшний день известно немало произведений этого автора: рукописи нескольких текстов хранятся в Центральной библиотеке Академии наук Литвы в Вильнюсе, в Главном архиве древних актов в Варшаве, имеется и ряд публикаций XIX – нач. XX в.

Здесь я хочу остановиться на одной из сочинений М. Морозика – стихотворении «Степан и Татьяна» – на его примере очень

¹ Отмечу, что некоторые исследователи в XIX – нач. XX в. проводили параллели между белорусскими гуторниками и украинскими кобзарями. Конечно, кобзари-традиционалисты, пожалуй, имеют большее отношение к фольклору, но творчество кобзарей-импровизаторов и особенно кобзарей – создателей оригинальных авторских произведений – это уже, скорее, явление инситной культуры.

ярко раскрываются проблемы исследования инсцитной словесности. Первая из этих проблем – определение степени аутентичности материала. Очень часто (особенно это касается наивной литературы XIX – нач. XX в.) мы имеем дело не с автографами, а со списками не вполне ясного происхождения или публикациями. Конечно, следует понимать, что неконвенциональные, далекие от общепринятых литературных стандартов тексты наивных сочинителей должны были вызывать у некоторых переписчиков и особенно публикаторов непреодолимый соблазн «облагородить», усовершенствовать этот материал. Например, сочинение М. Морозика «Степан и Татьяна» было напечатано в 1889 г. в газете «Минский листок», рукопись не сохранилась. Знакомство с автографами других текстов этого автора наводит на мысль, что над «Степаном и Татьяной» перед публикацией серьезно поработал кто-то искусный и вместе с тем деликатный. Меня более всего настораживает чрезвычайно опрятный ритмический рисунок стиха. Для инсцитного литературного творчества (особенно в XIX в.) это не очень характерно. Как правило, в стихотворных произведениях наивные авторы делают ставку на рифму, проявляя в отношении многих других поэтических изысков (ритмики, метрики и пр.) беззаботную раскрепощенность. Творчество М. Морозика – не исключение, он тоже не сковывал себя унылым равномерным чередованием ударных и безударных слогов. В этом смысле текст «Степана и Татьяны» разительно отличается от других произведений крестьянского поэта. Хотя, конечно, в профессиональной литературе известен феномен «*homo unius libri*», «автор одной книги» — наверное, можно допустить, что и наивный писатель способен создать нечто исключительное в сравнении с остальными своими сочинениями.

Вторая, самая глобальная, проблема в исследовании наивной литературы – интерпретационная. Конечно, идеальная пара для наивного сочинителя – наивный читатель. Но на практике довольно часто наивному тексту приходится иметь дело с читателем компетентным – как правило, исследователем. И такое

столкновение нередко напоминает «бои без правил». Наивный автор находится вне привычного для искушенного читателя «игрового поля», он не подписывал с таким читателем никаких мирных договоров и не знает об их существовании. В этом смысле наивный сочинитель свободен и беззаконен. Искушенный же реципиент «мстит» инситу автору за произвол «профессиональной» интерпретацией, «навязывая» тексту конвенциональные смыслы. Иными словами, исследователю наивного произведения очень сложно избежать опасности (или не поддаться удовольствию) гиперинтерпретации.

Возьмем, к примеру, «Степана и Татьяну» М. Морозика – это колоритная сценка из деревенской жизни с симпатичными типажам и очаровательными диалогами. Интрига проста и прозрачна: Степан и Татьяна любят друг друга, но Татьянины родители запрещают дочери встречаться со своим избранником. Сюжет тоже бесхитростен: родители в отъезде, и Татьяна приглашает своего Степана в дом; внезапно старики возвращаются, и гость укрывается в кладовке; однако накрытый стол, «пустая пляха» и «нейчая сярмяга» выдают Татьяну, и рассвирепевший отец лупит дочь ремнем; мать, спасая свое дитя от отцовского гнева, прячет Татьяну в той же кладовке, откуда только что сбежал перепуганный Степан.

Эти драматические события описаны в форме, которая компетентному читателю, скорее всего, *покажется*, мягко говоря, юмористической. Более того, с первых строк невозможно отделаться от *ощущения*, что это пародия. Местами, например, создается странное *впечатление*, что в этом тексте чуть ли не травестируется «Евгений Онегин» А. Пушкина:

*У нядзелю слонце добре грело;
Спевали птушки як вясной;
З'вакна на улицу глядзела
Тацяна хмурнаю душой...* [Казбярук 1994: 189]

*Тацяна, бедная Тацяна
Сама ня знала, што рабиць;
Яна была чутучку п'яна,
Хацела тут загаласиць [Казбярук 1994: 192].*

Впечатление пародийной феерии подкрепляется диалогами влюбленных, где, как это часто бывает в наивных текстах, совершенно невообразимым образом мирно и даже как-то гармонично соседствуют абсолютно несовместимые элементы: обрывки книжно-поэтических «красивостей», пылкие пассажи в духе городского романа, ядреная народная фразеология и пр. В качестве примера процитирую клятву Татьяны в «любви до гроба»:

*Што мне зрябиць, няхай так будзе;
Допреж скажу табе, Сцяпан!
Хто толька хто каго забудзе,
Няхай ён тресне, як той збан!
Кали ты здумаеш, пакинешь,
Мяне абманишь — верь душой:
Ты як сабака марне сгинишь,
Вот хрест кладу сябе святой!
А я цябе кали пакину,
Ня буду щыренько любиць:
Няхай як сучка лепи згину,
Як без цябе на свеце жиць! [Казбярук 1994: 190]*

Очарование подобных текстов тем сильнее, что почти сразу закрадывается подозрение: возможно, автор вовсе не собирався веселить читателя. Очень многие специалисты по наивной литературе отмечают такой эффект: часто инситуные тексты *помимо воли их авторов* производят впечатление не просто юмористических, а именно пародийных. По мнению В. Абашева, это впечатление «вызывается даже не столько видимым невладением культурой,

выражающимся в очевидных нарушениях нормы, сколько невладением порядком культуры, нарушением "нормальных", общепринятых исторических и структурных связей ее элементов, их производным коллажированием» [Абашев 2009: 386].

В этом смысле показательна самая ранняя из известных оценок «Степана и Татьяны» – краткое замечание поэта М. Богдановича в очерке «Белорусское возрождение» (1915). Характеризуя тексты, опубликованные в конце 1880-х гг., он писал: «Из новых произведений, печатавшихся в то время, отметим шуточную поэму... "Сцяпан і Таццяна"...» [Багдановіч 1993: 272]. Как видим, М. Богданович – рафинированный лирик, эстет, переводчик П. Верлена, Э. Верхарна и пр. – находил интересующее нас сочинение шуточным.

Современные исследователи более расплывчато и осторожно оценивают «Степана и Татьяну»: определяют этот текст, скорее, как «нешуточное», серьезное произведение. Чаще всего встречаются такие характеристики, как «поучительное», «дидактическое стихотворение». В контексте общего направления творчества М. Морозика подобная оценка закономерна. Многие его произведения прямолинейно нравоучительные, даже резонерские. Он многословно, обстоятельно бичевал пьяниц, драчунов и пр. Но если в других произведениях М. Морозика «мораль» прозрачна, отчетливо сформулирована самим автором, то со «Степаном и Татьяной» всё немного сложнее. Этот текст местами действительно многообещающе напоминает дидактическое стихотворение, и на каждом из немногочисленных поворотов нехитрого сюжета компетентный читатель может угадать, «спрогнозировать» ту или иную «мораль». Но ни один из этих прогнозов не подтверждается, и в итоге невозможно с уверенностью определить, какой именно урок собирався (если собирався) преподать в этом своем сочинении М. Морозик. Таким образом, «школьный» вопрос: «Что хотел сказать автор?» – остается без внятного ответа.

Очень сложно удержаться и от соблазна интерпретировать это произведение М. Морозика как реализацию сюжета об изгна-

нии из рая. Исследователи наивного изобразительного искусства давно обратили внимание на очевидный факт: что бы ни рисовали инситные художники, у многих из них получается что-то очень похожее на райские кущи. Что касается словесного наивного творчества, по крайней мере белорусской инситной литературы XIX – начала XX в., то здесь нередко встречается мотив «потерянного рая». Иногда он прочитывается очень явно. Например, в одном из текстов гуторника П. Смурога, записанном в конце 1820-х гг., в начале даются идиллические картины поистине райской жизни легендарного князя Боя, от которого, согласно мифам, происходят белорусы. Беззаботные дни князя проходят преимущественно в охотничьих приключениях и приятных путешествиях к своим многочисленным женам, которых он предусмотрительно расселил на разумном расстоянии друг от друга. Далее следует довольно большое отступление, в котором П. Смурый сравнивает тот беспечальный гармоничный мир и малосимпатичную современность: «Nie było tady ni sprawnikow z stanowymi, ni panov z ekonomami i wojtami, ni pejsatych żydov-randarej. Nichto nie drav z nas szkury, nie jev nasze miaso, nie ohryzav nam kości. Oj, dzietki, ładno było, nie to, szto patom. Ta vsio heta prajszo, davno prajszo, a nie wierniećsia. Wiecznaja pamiać jemu! Słyszycie, dzietki, wiecznaja pamiać!» [Bruchnalski 1922: 142]¹. Иногда, как, например, в некоторых текстах другого белорусского наивного сочинителя, О. Орловского, мотив «потерянного рая» воплощается в ностальгическом стариковском ворчании: пожилой нарратор вздыхает о безвозвратно ушедших днях своей молодости, когда мир был как-то уютнее и даже красивее. Вот и стихотворение «Степан и Татьяна» – хотел

¹ Этот текст П. Смурога сохранился в записях белорусского этнографа, мемуариста, исследователя Сибири XIX в. М. Маркса. Выдержки из рукописей М. Маркса опубликовал уже в XX в. в журнале «Lud», издававшемся во Львове, историк литературы, профессор Львовского университета В. Брухнальский. Я сочла целесообразным сохранить в цитате латиницу: в XIX в. этой графической системой пользовалось большинство белорусских авторов. Кстати, одним из исключений был М. Морозик: он был православный и писал кириллицей.

того М. Морозик или не хотел – навевает совершенно отчетливые ассоциации с небезызвестным библейским сюжетом.

Таким образом, пытаясь интерпретировать наивный текст, исследователь часто заходит в тупик, движется наощупь. Конечно, искажения, погрешности в такой работе неизбежны. Но, как писал Ю. Лотман, *«непонимание, неполное понимание или переосмысление – не побочные продукты обмена информацией, а принадлежат самой ее сути»* [Лотман 2002: 64].

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абашев 2009 – Абашев В. В. Кришна в интерьере деревенской лирики // До и после литературы: тексты «наивной словесности» / сост. А. П. Минаева; отв. ред. Е. Е. Жигарина. – М., 2009. – С. 374–399.
- Багдановіч 1993 – Багдановіч М. Поўны збор твораў : у 3 т. – Т. 2. – Мінск, 1993. – 600 с.
- Bruchnalski 1922 – Bruchnalski W. Z «Pamiętnika» M. Marksa, Witebszczanina // Lud. – 1922. – Serja 2. – Т. 1(21). – S. 136–153.
- Казбярук 1994 – Казбярук У. Забыты беларускі твор // Шляхам гадоў : гіст.-літ зб. / уклад. Я. Янушкевіч. – Мінск, 1994. – С. 185–194.
- Лотман 2002 — Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. – СПб., 2002. – 768 с.
- Никифоровский 1902 – Никифоровский Н. Глашатаи добрых начал в сельской среде // Живая старина. – 1902. – Вып. 1–4. – С. 479–488.